

* 9 ДЕК 1973

КАЖДЫЙ вечер на одной из тбилисских улочек, у старого дома с большим деревянным балконом, собиралась группа молодых людей. Они тихо пели, подыгрывая себе на гитаре, и эти мелодичные грузинские песни предназначались человеку, который лежал наверху.

Тяжелый недуг давно разлучил Ушанги Чхеидзе с театром, со сценой. И жизненная трагедия легендарного актера глубоко взволновала тбилисских театралов. Это волнение было как бы отзвуком тех переживаний, которые вызывали созданные им сценические образы. Молодежь приходила к нему и пела его любимые песни до тех пор, пока в комнате не гас свет.

Как опишешь словами обаяние таланта! Счастье быть свидетелем творчества великого актера. А мне посчастливилось не только видеть игру Ушанги, но и работать вместе с ним. Необыкновенный это был человек и актер. Его искусство было светлым, нежным, поэтическим, напоенным большой правдой жизни. Даже будучи его партнером, всегда находили момент, чтобы понаблюдать за его игрой. Какая мимика, какая пластика движений, гамма интонаций!

Ушанги Чхеидзе пришел на сцену в трудный для грузинского театра период — период упадка и творческого кризиса — играл все роли, которые ему предлагали, участвовал во всех спектаклях.

То, что из него вышел великий актер, неразрывно связано с появлением в грузинском драматическом театре талантливого, энергичного, полного заманчивых творческих идей человека — Котэ Марджанишвили, который внес в нашу жизнь в искусстве новое содержание, наполнил ее музыкой, расцвел яркой радугой. Он учил нас: цель искусства самая простая — дать человеку радость, наполнить его бодростью.

В свою очередь, Ушанги Чхеидзе стал для Марджанишвили тем идеальным актером, о котором мечтает каждый режиссер.

Я хорошо помню 25 ноября 1922 года — он вошел в историю грузинского театра как день его возрождения, важнейший этап обновления. В этот день состоялась премьера «Овечьего источника» Лопе де Вега. Ушанги Чхеидзе играл судью. Огромна была радость приобщения к искусству великого актера и великого режиссера.

Чхеидзе участвует с тех пор во всех спектаклях, поставленных Марджанишвили. Не гнушаясь маленьких эпизодических ролей, он и в них привнесит то, что можно назвать правдой жизни.

А впереди его ждали роли Гамлета, Яго, Уриэля... Вот что рассказывал сам Ушан-

ги о том, как Марджанишвили поручил ему роль Гамлета:

— Это было после спектакля «Затмение солнца». Я играл князя. Во втором акте моя миссия заключалась в том, что я сидел где-то на заднем плане за столом, на котором лежали увядшая зелень и бутылка воды, изображавшей вино. Мне стало очень скучно, и я нашел для себя развлечение: наполнив рот водой, начал обрызгивать ею стоящих рядом со мной статистов.

ГАМЛЕТ

ВСЕГО ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТАЛ В ТЕАТРЕ УШАНГИ ЧХЕИДЗЕ — ВЕЛИКИЙ АКТЕР, КОТОРЫЙ ДАРИЛ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ. СЕГОДНЯ ЕМУ БЫЛО ВЬ 75.

Когда после спектакля меня вызвали к Марджанишвили, я был готов к неприятному разговору...

Замечу от себя, что когда Ушанги вышел от Марджанишвили, возбужденное лицо его и лучистые глаза сверкали радостью, и он вдруг объяснял:

— Я буду играть Гамлета.

Во время его работы над Гамлетом все актеры (мне была поручена роль Офелии) чувствовали и видели, как раскрываются новые грани таланта Ушанги. Да и сам Марджанишвили в эти дни как-то по-новому стал относиться к Ушанги. Он жадно ловил каждое его слово, буквально дрожал над ним и оберегал, как малое дитя.

И вот день премьеры. Я до сих пор не могу без волнения вспомнить сцену свидания Гамлета с Офелией. Здесь душевное напряжение Гамлета достигает наивысшей точки. Его губы бледны,

я слышу, как учащенно бьется его сердце, а на лице блуждает странная улыбка. Я не могу оторвать от него взгляда и смотрю в его глаза, полные тоски и невыносимого страдания. О! Чхеидзе не нужно было слов, если бы зрители могли видеть его глаза!

А Чхеидзе — Уриэль! Сколько было вложено в эту роль энергии, любви, одержимости, веры. Все это так завораживало зрителей, что они чувствовали себя участниками событий, происходящих на сцене. Каждой своей роли он умел отдавать без остатка свое сердце. Он никогда не мирился с неправдой и лицемерием — ни на сцене, ни в жизни.

Он работал в театре всего 10 лет. Болезнь оторвала его от сцены. Но он продолжал жить нашими заботами, жил судьбой театра.

Последняя его встреча со зрителями состоялась во время юбилея Котэ Марджанишвили. Помню, как мы переживали. Вечер уже начался, а Ушанги все нет, и вдруг известие — Ушанги болен, он не придет. Котэ подходит ко мне и говорит: «Верико, иди и передай Ушанги, что это, возможно, моя последняя просьба к нему». И я в костюме Юдифи еду к Ушанги с намерением уговорить его во чтобы то ни стало. Войдя в комнату, я застыла в нерешительности. У кровати Ушанги стояла обеспокоенная женщина-врач...

Я подошла к нему и стала умолять:

— Даже, если ты укрепишь на сцене, — сказала я, — ты должен выполнить просьбу человека, который принес всем нам так много счастливых минут творчества.

Он мне ничего не ответил и стал молча одеваться.

...Когда мы появились на сцене, в зале раздался гром аплодисментов. Он произнес первую реплику Уриэля, и все замолкли. Настала минута, когда по роли я должна была отойти от Уриэля. Сейчас начнется его монолог. И вдруг я чувствую, что Ушанги крепко вцепился в мою руку. Оркестр дважды повторил вступление. Наше волнение передалось и залу. Наконец, Ушанги произнес одну фразу и... умолк. Его глаза выражали невыносимые страдания и боль. Визу, весь зрительный зал на ногах.

Он весь напрягся — и продолжил монолог. Это было прощание с театром — больше его никто не видел на сцене...

Но и сейчас он живет среди нас, в каждом нашем спектакле. Он всегда вместе с нами, разделит наши удач, заботы и огорчения. Он живет для всех тех, чья судьба связана с настоящим, подлинным искусством, которое так любил Ушанги и которое щедро дарил людям.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ, народная артистка СССР.